

Brandner, Aleš

К вопросу о наименованиях женских лиц в русском языке

Новая русистика. 2020, vol. 13, iss. 1, pp. 5-15

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/NR2020-1-1>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/142770>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

К вопросу о наименованиях женских лиц в русском языке

On the Issue of Naming Female Persons in the Russian Language

Алеш Бранднер

(Брно, Чешская Республика)

[**статья**]

Abstract:

Russian nouns that refer to male persons usually have their counterparts in female forms. Some masculine nouns can refer to specific persons of female gender in Russian. These include, in particular, the names of persons by occupation, job position, public office, rank, etc. In Russian is marked on nouns the category of “feminine”. This category includes in the universal language categories and implements both names that are used in naming individuals through the word-formation process. Nouns indicating individuals may express differences in a natural set gender pairs. Russian does not derive feminine forms from masculine nouns but use nouns as universal forms, i. e. the same nouns indicates individuals of both genders. The large number new-formations in contemporary Russian (especially in colloquial speech) using suffixes to indicate the feminine shows that the derivation of feminine forms from masculine nouns is becoming a productive process in Russian.

Key words:

male persons; female persons; male-female equivalents; gender-neutral nouns; extralinguistic factors; productive process in contemporary Russian

Категория рода имен существительных считается несловоизменяемой морфологической категорией, представленной как противопоставление трех классов слов — мужского, женского и среднего рода; каждый из этих классов характеризуется своими особенностями склонения, согласования, а в большинстве одушевленных существительных также способностью принадлежать к биологическому полу.

Противопоставление по роду выражено в формах единственного числа: каждое существительное, имеющее формы единственного числа, принадлежит к одному из трех родов. В формах множественного числа противопоставление не выражено, поэтому существительные *pluralia tantum* не относятся ни к одному из трех родов.

С семантической точки зрения категория рода связана со способностью существительных обозначать живое существо мужского пола, живое существо женского пола либо с неспособностью указывать на пол живого существа. Однако эта способность обозначать пол непосредственно проявляется только у названий лиц и частично у названий животных [LEŠKA 2003, 35–36]. Речь идет о т. наз. естественном роде, который является семантически мотивированным, в отличие от грамматического рода, который является семантически немотивированным — мужской, женский или средний род имеют все имена существительные, называющие неодушевленные предметы [BALÁŽ 1989, 40].

Грамматическая категория рода характерна прежде всего для языков флективных, обладающих синтетической флексией. В этих языках богатство флективного изменения обычно сочетается с наличием грамматического рода и приемов согласования [ISAČENKO 1954, 71–73].

Многие языковеды выделяют в славянских языках существительные, обозначающие людей и животных, в особую группу «одушевленных предметов». Например, В. В. Виноградов [VINOGRADOV 1972, 58] говорит о «грамматической категории одушевленности и неодушевленности». В пределах одушевленных существительных он усматривает особую грамматическую категорию лица. Последнее издание академической грамматики русского языка выделяет в особую группу имена существительные-названия лиц, так как с семантической точки зрения категория рода наиболее регулярно выражает различие мужского и женского пола в этой группе существительных [ŠVEDOVA 1980, 467–468].

В количественном отношении существительные мужского рода преобладают. Это объясняется как внеязыковыми социально-историческими условиями, так и собственно языковыми причинами. Слова мужского рода прежде всего заключают в себе понятие о человеке, обозначают его социальную или профессиональную принадлежность независимо от пола. Поэтому личные существительные мужского рода могут применяться к лицу как мужского, так

и женского пола. Основным грамматическим признаком существительных, обозначающих лиц, считаются прежде всего словообразовательные суффиксы мужского рода и соотнесенные с ними суффиксы женского рода. Наименования женщин в преобладающем большинстве выступают как коррелятивные к мужским и производные от них по форме (ср.: *учитель — учительница, специалист — специалистка, пловец — пловчиха, поэт — поэтесса*). В подавляющем большинстве женские наименования зависят от наименования лица мужского рода (не только в плане значения, но и в плане выражения). Речь идет о т. наз. словообразовательной категории женскости, которая относится к универсальным языковым категориям [ZEMSKAJA 1992, 147–149]. В большинстве случаев это существительные, которые обозначают лиц по признаку участия в науке, культуре, общественной жизни и в производственной деятельности. Они составляют довольно большой разряд слов. Дело в том, что на протяжении XX века продолжался процесс освоения различных видов занятий женщинами. Изменения в жизни в той или иной степени и форме находят отражение в словарном составе языка, в том числе и в таком явлении, как значительное пополнение словаря образованиями форм женского рода. В связи с этим следует обратить внимание на те редкие случаи, когда имя мужского пола вторично по отношению к имени лица женского пола (ср.: *вдова — вдовец, ведьма — ведьмак, дура — дурак*).

На уровне данной словообразовательной категории весьма заметны лексические ограничения: зачастую оппозиция по полу выражается на лексическом уровне (ср.: *мужчина — женщина, муж — жена, отец — мать, папа — мама, отчим — мачеха, дядя — тётя, дедушка — бабушка, сын — дочь, пасынок — падчерица, брат — сестра, зять — невестка, мальчик — девочка, юноша/парень — девушка* и т. п.). В данном случае речь идет о т. наз. двучленных семантически мотивированных одушевленных именах существительных с двумя маркированными членами [ROŽKOVA 1987, 25].

Многие личные существительные мужского рода способны обозначать конкретное лицо женского пола. К ним относятся главным образом названия лиц по профессии, роду занятий, должности, званию. В нашей статье мы сосредоточимся, кроме всего прочего, на названиях, к которым нет соотносительных образований в форме женского рода. Их отсутствие в некоторых тематических и лексико-тематических группах обусловлено экстралингвистическими причинами. Так, например, есть немало профессий, званий, титулов, которые по объективным причинам (например, из-за тяжелого физического труда или по традиции) присущи только мужчинам (ср.: *кузнец, носильщик, адмирал, полицмейстер, губернатор, танкист, палач, сержант, лейтенант, генерал, штурман, сапёр, кавалерист*). Не имеют особой женской формы названия

военных чинов (ср.: *старший лейтенант Васильева, капитан Кучкова, майор Рябинина*).

У некоторых названий, наоборот, не было необходимости в образовании соотносительного мужского наименования. Это касается прежде всего некоторых типично женских профессий и видов деятельности (ср.: *машинистка, сиделка, няня, медсестра, горничная, прачка, роженица, кормилица, прислуга* и т. д.). Следует также отметить, что небольшая группа русских существительных, обозначающих раньше только лиц женского пола, в связи с закрепленностью некоторых видов деятельности только за женщинами, получает в языке соответствующие новообразования для названия лиц мужского пола (ср.: *доярка — дояр, уборщица — уборщик, натурщица — натурщик*), в отдельных случаях отмечаются аналитические формы (ср.: *машинистка — переписчик на машине*).

Особое внимание следует обратить на имеющиеся в русском языке существительные мужского и женского рода, образованные от одного корня, но не составляющие коррелятивной пары по родополовому признаку: существительные мужского рода обозначают лицо, а существительные женского рода с суффиксом *-к(а)* называют неодушевленный предмет или помещение, ср.: *пилот* «летчик, автогонщик» — *пилотка* «военный форменный убор», *матрос* «моряк» — *матроска* «матросская блузка», *кочегар* «истопщик при паровом котле» — *кочегарка* «помещение, где находятся топки для паровых котлов», *сторож* «человек, который сторожит, охраняет что-н.» — *сторожка* «помещение для сторожа».

Сдерживающим фактором, препятствующим образованию дериватов с обозначением лиц женского пола, выступает и наличие в русском языке т. наз. существительных общего рода. В русском языке это слова на *-а/-я*, ср.: *сирота, соня, пьяница, убийца, плакса, обжора, запевала, неряха, зубрица, невежа, тихоня, размазня, умница* и др. Как известно, эти слова могут согласоваться как по мужскому, так и по женскому роду в зависимости от пола (ср.: *Он — круглый сирота, Она — круглая сирота, Наш плакса ревел весь вечер, Эта соня проспала весь день*). Существительные общего рода имеют в русском языке относительно небольшую численность, однако русские языковеды отмечают тенденцию к увеличению общего числа таких наименований за счет тех обозначений лиц мужского рода, которые могут называть и женщин. Такое явление происходит, по-видимому, в силу большей (по сравнению с существительными женского рода) обобщенности существительных, называющих мужчин [VINOGRADOV 1972, 59]. Такая обобщенность ярче проявляется в книжном стиле.

Способность существительных мужского рода называть лиц женского пола в настоящее время лингвисты склонны трактовать как проявление тенденции

развития русского языка от синтетического строя к строю аналитическому. Склонность к аналитизму является характерной чертой для русской морфологии и синтаксиса, начавшей появляться во второй половине XIX века. Этот феномен можно объяснить влиянием аналитических западноевропейских языков, в особенности французского. Данную тенденцию можно рассматривать как одну из форм проявления интернационализации, т. е. сближения русского языка с другими западноевропейскими языками [PANOV 1968]. Это касается особенно существительных мужского рода иноязычного происхождения, обозначающих профессии, должности, звания и т. п. Они представляют собой группу некоррелятивных названий, относящихся по своей форме к мужскому склонению, и могут обозначать и мужчину, и женщину, ср.: *доктор, профессор, инженер, архитектор, директор, секретарь, техник, электрик, металлург, физик, мастер, слесарь, технолог, оператор, конструктор, диспетчер, экономист* и т. д. Данные слова иногда называют специальным подклассом существительных общего рода. Этот подкласс сформировался в 20–30-е годы XX века. Их количество с течением времени стало увеличиваться. Хотя приведенные слова могут обозначать и мужчину, и женщину, они не могут согласоваться с атрибутивным прилагательным или местоимением женского рода, ср.: *Елена Васильевна — прекрасный педагог, Ольга — надёжный работник, Вера — опытный специалист*. В предикативном употреблении прилагательные согласуются по естественному роду, ср.: *Директор нашей школы очень строгая*. Иными словами, при обозначении лица женского пола сказуемое обычно получает форму женского рода (по семантическому признаку), а определение тяготеет к форме мужского рода определяемого существительного (действие морфологического фактора). Однако в разговорной речи, если есть необходимость подчеркнуть, что именно женщина является действующим лицом, для данной группы слов используются формы согласования в женском роде, ср.: *И вдруг вошла та самая доктор Иванова, которая была тут вчера* [ARCHANGEL'SKAJA, SLOVAK 2017, 41–42; DOLEŽELOVÁ 1998, 8; HAVRÁNEK 1976, 281; ŽAŽA 1996, 41–42].

С развитием эмансипации женщин, их активизацией в общественной и производственной сферах последних десятилетий увеличивается, особенно в разговорном языке, количество слов, служащих для обозначения лица женского пола по должности или профессии; они обрастают суффиксами женского рода (речь идет о т. наз. феминизирующих формантах), преодолевая сопротивление старых грамматических моделей и изменяя их. Возникли, таким образом, многие парные названия для лиц мужского и женского пола.

Появились наименования лиц женского рода с суффиксальными элементами (в том числе и с теми, которые в прошлом имели эмоциональную окраску)

в парадигмах наименования лиц различных лексико-семантических групп [KAPRAL' 1999].

Для образования парных существительных женского рода на основе мужских наименований в русском языке существует разветвленная система феминизированных формантов. Суффиксы, образующие женские формы от мужских, можно распределить на стилистически нейтральные и маркированные.

К стилистически нейтральным суффиксам можно отнести прежде всего суффикс *-к(а)*, относящийся к самым употребляемым при образовании существительных со значением женскости. Нами зарегистрированные существительные женского рода обозначают лиц по роду занятий, по специальности к какой-нибудь профессии, по характерному действию, ср.: *трактористка, каратистка, дзюдоистка, кандидатка, кулинарка, конькобежка, чемпионка, туристка, шахматистка, волейболистка, окулистка, журналистка, русистка, романистка, англистка* и др., разговорной формой современные словари считают часто встречающееся слово *космонавтка* (лит.: *женщина-космонавт*). Этот тип высокопродуктивен как в разговорной речи, так и в сфере официальных названий [ŠVEDOVA 1980, 200].

С количественной точки зрения второе место при обозначении женского лица занимает суффикс *-иц(а)/-ниц(а)*. С его помощью образуются существительные, обозначающие женщину по ее профессии, месту работы, роду занятий, качеству, свойству и т. д. Ср.: *переводчица, прессовщица, буфетчица, наладчица, домовладелица, землевладелица, водолыжница, проводница, сочинительница, писательница, физкультурница, учительница, грабительница, беспризорница, грешница* и др., разговорными формами считаются *водительница, безбилетница*.

В 60-е гг. XX века начинает приобретать продуктивность раньше считавшийся непродуктивным суффикс *-есс(а)*. Теперь он образует женские соответствия от названий профессий с основами заимствованного характера, ср.: *гидесса, клоунесса, поэтесса, стюардесса*. В последнее время наблюдаются в языке дериваты-неологизмы, имеющие окказиональное употребление, иногда с ироническим оттенком, ср.: *хирургесса, психиатресса, критикесса, авторесса, прозаикесса, металлургесса, драматургесса, адвокатесса, агентесса, комикесса* и т. д. [PROTČENKO 1975, 124].

У существительных, имеющих модификационное значение лица женского пола, встречается непродуктивный суффикс *-ис(а)*. О его непродуктивности свидетельствует небольшое количество словарных единиц. В нами приводимом материале стилистически нейтральным является слово *актриса*, остальные являются разговорными в окказиональном употреблении (ср.: *директриса, инспектриса, лектриса, редактриса*).

В современных словарях русского языка фиксируется всего несколько слов с суффиксом *-ин(я)//-ын(я)* (ср.: *богиня, герцогиня, монахиня, рабыня, боярыня, шахиня, барыня*). Приблизительно с 60-х годов XX века он набирает продуктивность. В настоящее время этот тип продуктивен в разговорных образованиях; образует женские корреляты при необходимости обозначать женщину-специалиста (ср.: *геологиня, филологиня, хирургиня, анестезиологиня, шефиня, петрографиня* и др.).

Малопродуктивным является разговорный суффикс *-ь(я)*, употребляется главным образом в сочетании *-ун(я)*. С его помощью образуются наименования лиц женского пола; является самостоятельным с именами действующих лиц мужского пола на *-ун* (ср.: *бегунья, брехунья, врунья, горбунья, драчунья, игрунья, колдунья, хохотунья, хвастунья* и т. д.).

Самым используемым среди стилистически окрашенных суффиксов оказывается суффикс *-ш(а)*. До начала XX века феминативы, образованные с помощью этого суффикса, обозначали жену лица, названного мотивированным словом (ср.: *генеральша, губернаторша*), однако данный суффикс встречался в некоторых словах, обозначающих женщину по роду занятий (ср.: *музыкантша, корректорша, аккомпаниаторша*). Последнее обстоятельство облегчило вовлечение этого суффикса в процесс активного словообразования. В первую очередь тогда, когда соответствующая деятельность является преимущественно женской. Речь идет о стилистически разговорных словарных единицах (ср.: *библиотекарша, кондукторша, секретарша, билетёрша, кассирша, счетоводша, почтальонша, завклубша, парикмахерша, киоскёрша* и др.). При необходимости обозначать пол лица создаются дериваты с таким суффиксом также от нетипичных женских наименований профессий и званий. Они относятся к просторечию (ср.: *адвокатша, инженерша, инспекторша, докторша, профессорша, деканша, президентша, кандидатша, министерша, скульпторша, контролёрша, миллионерша, администраторша, бригадирша* и т. д.). В лексикографических источниках зафиксировано несколько феминативов с суффиксом *-ш(а)*, относящихся к нейтральной лексике, ср.: *авторша, соавторша, бухгалтерша, лифтёрша, опекуниша*. Этот суффикс является в современном русском языке лидером среди стилистически маркированных средств [ZEMSKAJA 1992, 155]. Что касается дериватов, возникших под влиянием социальных факторов (для выражения значения «жена лица, названного мотивированным словом»), то они приобрели стилистически сниженный характер, хотя в начале XX века они считались стилистически нейтральными. При попытке образовать соотносительные названия женщин на *-ш(а)* могут возникнуть затруднения произносительного характера, например, от слов типа *дирижёр, монтажёр, ухажёр, стажёр*; формы на *-ш(а)* не образуются. В этом случае возникло бы нежелательное соседство

двух шипящих. Поэтому формы женского рода к данным словам звучали бы *дирижёрка, монтажёрка, ухажёрка, стажёрка* [PROТЇENKO 1975, 123–124].

К стилистически маркированным суффиксам относится также суффикс *-их(а)*. Феминативы с этим суффиксом в словарях русского языка в большом количестве не представлены. Они обозначают женщину соотносительно с наименованием лица мужского пола (ср.: *пловчиха, ткачиха, портниха, повариха, щеголиха*). Продуктивность существительных указанного типа обнаруживается в разговорной речи (ср.: *дворничиха, сторожиха*) или в просторечии (ср.: *врачиха*).

Стилистически маркированный суффикс *-ух(а)* представляет собой непродуктивный просторечный суффикс, имеющий экспрессивную окраску. Слова с данным суффиксом имеют пренебрежительный характер (ср.: *вековуха* «старая дева», *потаскуха* «женщина легкого поведения», *сеструха* «сестра», *старуха* «старая женщина», *толстуха* «толстая женщина», *чернуха* «смуглая черноволосая женщина»).

В речи школьников применяются формы наименования лиц женского пола, которые имеют более узкое семантическое значение, ср.: *ботаничка* «учительница ботаники», *математичка* «учительница математики», *химичка* «учительница химии», *географичка* «учительница географии», *историчка* «учительница истории».

Иногда форма женского рода может не быть семантически равнозначной форме мужского рода, может получить иное значение. Например, смысловой объем феминизированного названия может значительно сузиться. В этом убеждают такие образования, как *техничка, мастерица* и т. п. Первое слово несоотносительно с названием в форме мужского рода (*техник*). В разговорном языке оно имеет семантику «уборщица в учреждении». На самом деле оно обозначает специальный автомобиль, выехавший для ремонта транспортных средств на дорогах («аварийная машина»). Сравнивая слова *мастер* — *мастерица*, можно заметить, что форма женского рода употребляется не во всех значениях, присущих слову *мастер*, и является по отношению к нему лишь частично соотносительной («женщина, являющаяся отличным специалистом, имеющая во всем успехи»). Сдерживающим фактором словопроизводства может быть иногда омонимия несоотносительного слова с каким-нибудь другим. Поэтому наличие существительного *электричка* («электрический поезд») может рассматриваться как известное препятствие для образования с помощью суффикса *-к(а)* названия лица женского рода от профессионального обозначения *электрик*. Казалось бы, суффикс *-к(а)* мог быть подходящим для образования женских соответствий от существительных *технолог, гидролог, металлург* и т. п., поскольку этот суффикс сочетается с бессуффиксальными

словами мужского рода. В этих случаях образовались бы весьма странные названия (в первых двух случаях с финалью *-ложка*). Кстати, в разговорном языке существует слово *техноложка*; в студенческом сленге это название технологического института в Санкт-Петербурге. Таким образом, здесь возможность обозначать лица женского рода затруднена явлением омонимии. По отношению к таким словам, как *металлург*, *хирург*, *драматург* и т. п. попытка произвести такой словообразовательный эксперимент встречает неудобство произносительного характера. Поэтому в литературной речи не используются формы таких слов по отношению к женщинам. Однако под конец XX века в разговорном языке начинает приобретать продуктивность вышеупомянутый суффикс *-есс(а)*, ср.: *металлургесса*, *драматургесса*, *хирургесса* [PROTŠENKO 1964].

Следующую группу некоррелятивных названий представляют имена существительные на *-ор* (ср.: *новатор*, *инициатор*, *организатор*, *рационализатор* и под.), которые дают качественную характеристику действующего лица. В советское время эти понятия имели широкое распространение (ср.: *Работница — новатор производства*, *Товарищ Николаева — инициатор социалистического соревнования и организатор женской бригады*) [PROTŠENKO 1964].

Далее здесь можно привести названия лиц, возникшие на русской почве посредством словосложения при помощи соединительных гласных *о*, *е*. Первая часть таких слов имеет значение объекта действия (основа существительного), вторая — производимого действия (глагольная основа). Из глагольных морфем, составляющих вторую часть сложных слов этого типа, наиболее продуктивной является *-вод*, ср.: *животновод*, *коневод*, *рыбовод*, *пчеловод*, *птицевод*, *полевод*, *садовод*, *картофелевод*, *льновод* и т. п. С другими глагольными морфемами во второй части, ср.: *пивовар*, *сталевар*, *мыловар*; *почвовед*, *товаровед*; *водовоз*; *винодел*, *маслодел*; *водолаз*; *хлебороб*; *землемер*; *землекоп*; *птицелов*; *лесоруб*; *лесолоб* и т. д. В литературном языке эти названия лиц обычно сохраняют мужской род и тогда, когда речь идет о женщине (ср.: *Работала она счетоводом на мельнице*, *По специальности она была полеводом*, *Анна Сергеевна Казакова — знатный почвовед*, *Есть тут в станице девчонка-рыболов?*). Из сказанного следует, что имеется значительная часть личных имен существительных, которые не поддаются родовой дифференциации. Нередко эта трудность «обходится» при помощи составных обозначений, что представляет собой более громоздкий и поэтому далеко не совершенный способ обозначения лиц [PROTŠENKO 1964]. К существительным мужского рода — обозначениям по профессии или роду занятий лиц, которые не располагают соответствующими коррелятами женского рода, создаются аналитические формы с субстантивными компонентами *женщина*, *девушка*; они препозитивно присоединяются

к существительным мужского рода, ср.: *женщина-врач, девушка-секретарь, женщина-учёный, девушка-продавец*. Данные аналитические выражения представляют собой переходный и непродуктивный способ дифференциации грамматического рода существительных, обозначающих лиц женского рода. Они были созданы искусственно, в живом разговорном языке они не употребляются [KUBÍK 1956].

Из сказанного следует, что наиболее продуктивными словообразовательными формантами при реализации женских дериватов в современном русском языке выступают суффиксы *-к(а)* (ср.: *студент — студентка*), *-(н)иц(а)* (ср.: *царь — царица, отличник — отличница*), *-щиц(а)/-чиц(а)* (ср.: *продавец — продащица, переводчик — переводчица*), *-ш(а)* (ср.: *автор — авторша*). Единичны производные слова, образованные посредством иных суффиксов: *-есс(а)* (ср.: *стюард — стюардесса*), *-ин(я)* (ср.: *шеф — шефиня*), *-их(а)* (ср.: *ткач — ткачиха*); в силу их малопродуктивности они воспринимаются носителями языка как экспрессивно окрашенные, что в свою очередь способствует их появлению на страницах периодических изданий. Как раз эти стилистически окрашенные суффиксы используются, по Е. А. Земской, для придания выразительности, что весьма характерно для языка современных масс-медиа [ZEMSKAJA 1992, 155].

Приводимый в настоящей статье иллюстративный материал был получен прежде всего из лексикографических источников, в частности из обратного словаря русского языка [ŠEVELEVA 1974] (с привлечением современных словарей). На основании изучения современных лексикографических источников, далее материалов масс-медиа и художественной литературы можно сказать, что многочисленные новообразования с женскими суффиксами на современном этапе развития русского языка (особенно в разговорном языке) являются свидетельством того, что корреляция существительных по роду становится активным процессом.

Библиография:

- ARCHANGEL'SKAJA, A., SLOVAK, V. (2017): *Morfologija sovremennogo russkogo jazyka v sopostavlenii s češkim*. Olomouc.
- BALÁŽ, G. a kol. (1989): *Sovremennij russkij jazyk v sopostavlenii so slovackim. Morfologija*. Bratislava.
- DOLEŽELOVÁ, E. (1998): *Lekcii po morfologii russkogo jazyka*. Brno.
- HAVRÁNEK, B. (red.) (1976): *Průruční mluvnice ruštiny pro Čechy I. Hláskosloví a tvarosloví*. Praha.

- ISACĚENKO, A. V. (1954): *Grammaticeskij stroj russkogo jazyka v sopostavlenii so slovackim I*. Bratislava.
- KAPRAL', M. I. (1999): *Slovoobrazovatel'naja kategorija ženskosti v sovremennykh vostočnoslavjanskich jazykach*. In.: BIBOK, K., FERINC, I., TOT, I. Ch. (eds): *Pjat' desjat let segedskoj slavistike*. Seged, s. 215–222.
- KUBÍK, M. (1956): *Ženské osobní názvy v ruštině a češtině*. Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury I, 1956, s. 115–130.
- LEŠKA, O. (2003): *Jazyk v strukturním pojetí. Kapitoly ze synchronní a diachronní analýzy ruštiny*. Praha.
- PANOV, M. V. (1968): *Morfologija i sintaksis sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*. In: PANOV, M. V. (ed.): *Russkij jazyk i sovetskoje obščestvo. Sociolingvističeskoje issledovanije*. Moskva, s. 9–18.
- PROTČENKO, I. F. (1964): *O rodovoj sootnositel'nosti nazvanij lic. Iz nabljudenij nad leksikoj sovetskoj èpochi*. In: MUČNIK, I. P., PANOV, M. V. (eds): *Razvitije grammatiki i leksiki sovremennogo russkogo jazyka*. Moskva, s. 106–137.
- PROTČENKO, I. F. (1975): *Leksika i slovoobrazovanije russkogo jazyka sovetskoj èpochi: sociolingvističeskij aspekt*. Moskva.
- ROŽKOVA, G. I. (1987): *Očerk praktičeskoj grammatiki russkogo jazyka*. Moskva.
- ŠEVELEVA, M. S. (red.) (1974): *Obratnyj slovar' russkogo jazyka*. Moskva.
- ŠVEDOVA, N. Ju. (red.) (1980): *Russkaja grammatika I*. Moskva.
- VINOGRADOV, V. V. (1972): *Russkij jazyk. Grammaticeskoje učeniye o slove*. Izdaniye vtoroje. Moskva.
- ZEMSKAJA, Je. A. (1992): *Slovoobrazovanije kak dejatel'nost'*. Moskva.
- ŽAŽA, S. (red.) (1996): *Morfologie ruštiny I*. Brno.

About the author

Aleš Brandner, Masaryk University, Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies, Brno, Czech Republic, brandner@phil.muni.cz

